

ОТРИЦАНИЕ КАК КАТЕГОРИЯ ГРАММАТИКИ И СПОСОБЫ ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ

(на материале русского и литовского языков)

Е. Г. К А З И М Я Н Е Ц

В процессе коммуникации важное место занимают отрицательные конструкции, неправильное употребление которых может привести к непониманию или неточному истолкованию всего высказывания. Может быть, именно поэтому проблема выражения отрицания издавна привлекала внимание как один из наиболее интересных вопросов грамматики. Однако в лингвистической литературе нет единого ответа на вопрос, в каких отношениях должны находиться элементы высказывания, чтобы можно было говорить о наличии отрицания, или каким условиям должны удовлетворять единицы языка, чтобы считаться отрицательными. В результате этого объектом исследования часто оказываются совершенно различные языковые явления.

Из множества существующих на этот счет мнений справедливо выделить два основных направления, по которым следуют исследователи в определении данной категории: это, во-первых, определения, в основе которых лежит понятийное содержание отрицания и, во-вторых, определение отрицания через форму его выражения. Первое направление широко представлено в лингвистике, вторая точка зрения встречается гораздо реже.

К. Д. Дондуа — наиболее яркий и последовательный сторонник формального подхода к определению отрицания. Он называет отрицательным такое предложение, в котором есть отрицательная частица, причем это определение предлагается им как универсальное, а не только для русского языка [Дондуа, 1948, с. 178]. Однако с ним вряд ли можно согласиться, так как данное определение не учитывает весьма употребительных в некоторых языках разновидностей отрицания — отрицательных предложений, единственным отрицательным элементом которых является, напр., наречие или местоимение. Так, в английском предложении *I met nobody* отрицание выражено местоимением *nobody*. Вообще попытка определить отрицание только на основе его формы представляется нам совершенно неприемлемой не только потому, что тогда непонятно, как определить отрицание, выраженное фразеологизмом, риторическим вопросом или интонацией, но и так как понятие отрицательной

частицы или слова в свою очередь требует определения, которое должно будет в той или иной степени учитывать и содержание этих единиц.

Пожалуй ближе к истине лингвисты, пытающиеся определить отрицание на основе его понятийного содержания. Однако и здесь исследователи подходят к проблеме по-разному. Напр., Ж. Гиннекен отождествляет отрицание с „чувством сопротивления” [Jas. Ginnepen, 1907, с. 199]. Это определение автор оправдывает возможностью нескольких отрицаний в одном предложении, где, по его выражению, „отрицание может повториться три и четыре раза, так как чувство усиливается” [Jas. Ginnepen, 1907, с. 199]. Такое понимание отрицания возводит в абсо.пот частные случаи, как иногда при запрете или мольбе, или заклинании отрицание может выражать чувство сопротивления, но в отрицательных предложениях повествовательного характера, да и во многих повелительных, определение Гиннекена не находит подтверждения. В предложении *Ребенок не спит* никакого чувства сопротивления нет. Что же касается грамматической сущности отрицания, то и здесь, в определении Гиннекена, она не затронута.

О. Есперсен считает индоевропейское *ne* (вместе с вариантом *ntē*) по происхождению примитивным междометием отвращения, сопровождаемым мимикой лица и сокращением мускулов носа, объединяя тем самым в какой-то мере понятие отрицания с чувством отвращения, которое ничуть не лучше объясняет значение отрицания, чем „чувство сопротивления” Гиннекена [Jespersen, 1917, с. 6].

Сторонник аффективной теории отрицания В. Хаверс характеризует отрицание, вернее отрицательные частицы, как примитивные междометия, служившие для выражения нежелания [Havers, 1931, с. 158–159].

Наиболее приемлемое определение грамматической категории отрицания находим у А. М. Пешковского: „Сущность этой категории... (с синтаксической точки зрения) сводится к тому, что связь между теми или иными двумя представлениями при помощи этой категории сознается отрицательно, то есть сознается, что такая связь, выраженная такими-то формами слова или словосочетаний, реально не существует” [Пешковский, 1956, с. 386]. Значительная часть работ, посвященных отрицанию, использует это определение, введя в него некоторые поправки [см.: Булах, 1957; Шендельс, 1959; Ахманова, 1966; Новиков, 1974; Рахимов, 1978; Озерова, 1978 и др.].

Думается, что, определяя отрицание как грамматическую категорию, следует учитывать как понятийное содержание исследуемой категории, так и средства ее выражения, т. е. формальную сторону вопроса. Поэтому, основываясь на определении А. М. Пешковского, мы будем понимать под термином *отрицание* следующее: выражение при помощи фразеологических, синтаксических, грамматических и фонетических средств языка того, что связь, установленная между элементами выска-

звания, реально не существует (мыслится в речи как реально не существующая); при этом содержание, первоначально заключенное в данном высказывании, заменяется на противоположное ему.

Языковая категория отрицания неразрывно связана с логическим отрицанием. В материалистической формальной логике отрицание рассматривается прежде всего как элемент смысла суждения, имеющий объективное основание. Таким образом, рассматривая отрицание с точки зрения логики, мы будем иметь дело с утвердительными и отрицательными суждениями, в то время как в языкознании мы сталкиваемся с утвердительными и отрицательными предложениями. Поэтому позиция некоторых лингвистов, считающих утвердительные и отрицательные предложения языковым выражением утвердительных и отрицательных суждений, не лишена здравого смысла.

Основным содержанием языковой категории отрицания является логическое отрицание, и это в той или иной степени находит отражение в наиболее приемлемых определениях отрицания, встречающихся в лингвистике. Отметим, что формально-логическое отрицание (как, впрочем, и другие логические категории) едино для всех людей – логическая операция отрицания производится посредством введения в суждение отрицательной частицы типа русской НЕ (литовской *ne*), оборота вроде НЕВЕРНО, ЧТО... или специального символа [Бондаренко, 1983, с. 76–77]. Однако в естественном языке оно получает различные формы выражения, а также обладает определенными правилами функционирования в разных языках.

Хотя формально-логическое и языковое отрицание по смыслу сопоставимы, они отнюдь не идентичны и могут не совпадать. Так, отрицательные языковые формы не всегда выражают логическое отрицание: напр., слова *бесценный* и *недуг* означают положительные понятия, а именно: *драгоценный, болезнь* [примеры Н. В. Бондаренко, 1983, с. 77]. И наоборот, положительные языковые формы могут выражать логическое отрицание – отрицательные понятия, напр.: *холост* = *неженатый*; *слепой* = *незрячий*; *удас* = *недостаток*. К тому же в словах типа *слепой, глухой* (в них выражено отсутствие, лишенность зрения и слуха соответственно, т. е. отрицание) грамматика в отличие от логики никакого отрицания не усматривает [Бондаренко, 1983, там же].

Кроме того, в логике категории и формы исследуются в отвлечении от конкретного содержания мысли и отрицание в свою очередь рассматривается без учета средств его выражения, в то время как для грамматики это принципиально важно и наиболее интересно. Для логики выражения типа *Она не читает* и *Неверно, что она читает* равнозначны, а для грамматики, в частности синтаксиса, эти два предложения имеют совершенно различную структуру. Рассмотрим такой пример: *Он безграмотен* = *Он не знает правил правописания* = *У него нет навыков*

правописания. Здесь одно логическое отрицание передано различными языковыми средствами, что свидетельствует о том, что естественные языки для передачи одного и того же логического отрицания имеют целый ряд самых разнообразных средств, и логическое отрицание, таким образом, не получает в языке максимально экономичного выражения.

Логическое отрицание, лежащее в основе языкового, не заполняет его целиком. Языковая категория отрицания значительно шире логической, обладает способностью выполнять и другие функции, проявляя при этом относительную самостоятельность, и имеет свой объем значений, не адекватный логической категории. Так, отрицание, употребленное в предложении, не всегда соответствует отрицательному суждению, а может играть совсем иную роль в предложении. Иначе, не всякое предложение с отрицанием соответствует отрицательному суждению, отрицание может выражать положительное суждение, служить средством выражения не суждения, а вопроса, запрета и проч. Напр.:

рус.

*„Отчего же мне не может быть
скучно на бале?“ – спросила Анна.
„Неужели это он?“
„И теперь разве я не люблю его?“
(Л. Толстой)*

лит.

*„Kodėl gi man negali būti nuobodu ba-
lunėje?“ – paklausė Anna.
„Nejaugi tai būtų jis?“
„Ir dabar negi nemyliu jo?“*

Следовательно, учитывая, что логическое отрицание находит выражение во всех языках, хотя и самыми различными способами, справедливо охарактеризовать его как языковую универсалию. Логическое же содержание языковой категории отрицания будут составлять небытие, несуществование, лишенность, различие, отсутствие или необладание каким-либо признаком и другие значения, образующие центр семантического поля данной категории.

Помимо этого в содержание языковой категории отрицания входят и другие, периферийные значения с отрицательной семантикой либо отрицательными оттенками значения, как-то: несогласие, возражение (усиленная форма несогласия), опровержение (аргументированное возражение), отказ, запрет, нежелание, иногда сомнение и т. п.

Рассматривая отрицание как языковую универсалию, присутствующую во всех языках, мы можем выделить языковые средства, служащие для выражения отрицания в языке. Изучая отрицание и средства его выражения в русском и литовском языках, замечаем следующее: отрицание в исследуемых языках обладает обширным набором средств выражений; кроме того, как в русском, так и в литовском языке отрицательный смысл может быть передан без формальных средств

выражения, т. е. отрицание может выражаться в языке формальным (эксплицитным) способом либо передаваться без формального показателя и выражаться имплицитно, заключаясь в самой семантике слова, фразеологизма, предложения, передаваться интонацией. Напр.:

лит.

„Jis – sostinės paukštis: dieve saugok,
kad ko nepašiepų“.

рус.

„Боярин велел – распрягайте. Ночевать велел. Лошадям задавать – избави боже, боярское сено“
(А. Н. Толстой) = *ни в коем случае нельзя кормить лошадей боярским сеном.*

Таким образом, мы выделяем два способа выражения отрицания – эксплицитный (формальный) и имплицитный и рассматриваем имплицитное и эксплицитное отрицание как два равнозначных проявления сути одного явления.

Семантическая эквивалентность имплицитного и формального отрицания подтверждается, с нашей точки зрения, и тем, что имплицитное отрицание в одном языке, как правило, находит формальное выражение в другом, и наоборот, что думается, может служить критерием для выявления отрицания, не имеющего формального показателя. Напр., в литовском языке слова *udas, trūksti* не имеют формального показателя отрицания, в то время как в соответствующих русских формах *недостаток*, не *хватать* таковой имеется, русские же слова с имплицитно выраженным отрицанием *мертвый, холостой* при переводе на литовский язык также получают формальный показатель *neguvas, bemoteris*.

Имплицитное отрицание в силу своеобразия своей природы встречается в языке гораздо реже, нежели формально выраженное, и представляет собой особый интерес для языковедов, особенно в плане сопоставительного изучения языков. Имплицитное отрицание большей частью употребляется в разговорной речи, где особое значение приобретает речевая ситуация, экстралингвистический опыт участников коммуникации и прежде всего интонация. Для синтаксиса разговорной речи употребление утвердительных по форме предложений в функции отрицательных – явление обычное, в таких случаях отрицание передается особой интонацией, без использования формальных средств выражения, иногда в сочетании с определенным порядком слов, наличием устойчивых словосочетаний и т. п. Отрицание в таких конструкциях носит экспрессивный характер, и значение отрицания вырастает как вторичное из значения возражения, недоверия, несогласия и т. п. Напр., рус. *Пойду я гулять! Стану я тебе помогать!* Эти конструкции легко трансформируются в модели с экспрессивным отрицанием: *Я и не собираюсь идти гулять!*

или *Я и не подумаю тебе помочь!* В литовском языке наблюдаем аналогичную картину.

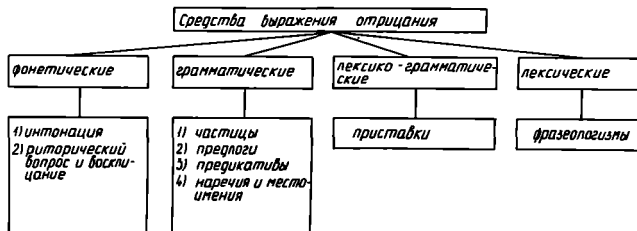
Н. В. Бондаренко справедливо замечает, что в случае выражения отрицания на уровне целого предложения определенную роль играет контекст (наряду с порядком слов и интонацией, выступающей здесь как элемент семантической структуры предложения), напр.: *Такой, как моя баня, по всему свету поискать*. Лишь по контексту и составу всего предложения мы устанавливаем, что здесь скрыто выражено отрицание подобия, тождества (*такой бани нет ни у кого = такой бани не найти нигде*) [Бондаренко, 1983, с. 107].

И в литовском, и в русском языке отрицание может содержаться в вопросительных по форме предложениях, отрицательное содержание которых мотивируется особой интонацией, грамматической структурой, лексическим наполнением, контекстом в целом, напр.: *Зима! Что делать нам в деревне?* и *Žiema! Ką veikti mums kaime?*

Гораздо чаще мы сталкиваемся с формальным способом выражения отрицания, что дает основание некоторым лингвистам говорить, что категория отрицания „маркирована” относительно коррелирующей с ней категорией утверждения, характеризующейся нулевыми показателями. Действительно, утвердительные и отрицательные предложения мы рассматриваем как языковое выражение утвердительных и отрицательных суждений, но несмотря на противоположность их содержания, они всегда связаны друг с другом. Это единство проявляется двояким образом: во-первых, отрицательные суждения могут быть выражены как отрицательными, так и утвердительными по форме предложениями. Напр., отрицательное суждение „S не есть P” находит в языке выражение в двух различных по форме конструкциях: *Он не придет* и *Где ему придти!* (отрицательное и утвердительное предложения). Во-вторых, утвердительное суждение „S есть P” также выражается утвердительными и отрицательными по форме предложениями: *Он придет* (утвердительное предложение) и *Он не может не придти* (отрицательное предложение). Следовательно, отрицание в языке, несмотря на самые различные способы и средства его выражения в речи, должно рассматриваться как единая категория, противопоставленная категории утверждения.

В литовском и русском языках набор формальных средств выражения отрицания в целом совпадает. В обоих языках средства выражения отрицания относятся к одним и тем же уровням языка и представлены одними и теми же частями речи, и это дает нам возможность предложить общую для этих языков классификацию средств выражения отрицания, выделив четыре основные группы: фонетическую (куда относится отрицание, выраженное интонацией и риторическим вопросом или восклицанием), грамматическую (сюда входят отрицательные частицы *ne/ne, ni/nė/nei*, предлоги *bez/be*, предикативы *нет, нельзя/nėra, negalima*,

отрицательные местоимения и наречия); лексико-грамматическую группу средств выражения отрицания составляют приставки с отрицательным значением; лексическая группа представлена фразеологизмами, причем фразеологизм с отрицательной семантикой может иметь в своем составе формальный показатель отрицания (напр., отрицательную частицу или предикатив), а может и не иметь такого. Данную классификацию представим в виде схемы:

Идентичность набора средств выражения отрицания в исследуемых языках дает основание предположить и идентичность в использовании этих средств в конкретных конструкциях. В целях проверки данной гипотезы и выявления всех средств выражения отрицания в рассматриваемых языках, а также определения частоты их употребления нами был проведен статистический анализ одного и того же текста (объемом около 20 000 слов) на русском и литовском языках. Материалом исследования послужил отрывок из романа К. Симонова „Солдатами не рождаются” и его перевод на литовский язык. Как показало исследование, реже всего встречается отрицание, выраженное фразеологической единицей. Случаи выражения отрицания при помощи фразеологизма составляют лишь 0,2% от общего числа отрицаний, зафиксированных в тексте. Наиболее же употребительным является отрицание, выраженное частицей НЕ/NE. Данные проведенного анализа иллюстрируем таблицей (см. с. 79).

Как видим, несмотря на одинаковый набор языковых средств выражения отрицания (мы имеем в виду общую картину, так как полный список всех формальных средств выражения отрицания будет несколько различным, но данное различие не носит принципиального характера), полного совпадения в выборе этих средств в исследуемых языках не наблюдается. Это обусловлено тем, что каждый язык имеет свои грамматические закономерности и правила сочетаемости, имплицитное отрицание в одном языке получает формальное выражение в другом, редко замечаем соответствие в переводе так называемого „двойного отрицания”, которое по сути дела является утверждением. Поэтому

Средства выражения отрицания		в русском языке, %	в литовском языке, %
Фонетические	интонация	0,4	0,3
	риторический вопрос и восклицание	1,2	1,1
Грамматические	частицы	67,3	70,3
		62,7 (не)	64,4 (ne)
	предлоги	4,6 (ни)	5,9 (nė/nei)
	предикативы	3,4	3,4
	местоимения и наречия	5,3	3,4
	6,6	6,1	
Лексико-грамматические	приставки	15,6	14,2
Лексические	фразеологизмы	0,2	0,2

в переводе таких конструкций возникают колебания: иногда переводчик „сокращает” двойное отрицание и строит предложение вообще не используя средств выражения отрицания, хотя полностью сохраняя его содержание, напр.: Не беспокойся – *Būk ratus* (*Будь спокоен*). Отметим, в частности, что сочетание частицы *ne* со словоформами, имеющими в своем составе приставку с отрицательным значением *be-*, соответствующую русской *без-*, не характерно для литовского языка. Иногда, стремясь сохранить структуру фразы, употребляют конструкцию с двойным отрицанием.

В основном несоответствия в использовании средств выражения отрицания, обнаруженные в ходе анализа данного текста (всего 154 расхождения), отмечаются в следующих случаях:

1) в конструкциях с усилительно-отрицательной частицей *ни/nė/nei* и словосочетанием „ни один” („ни одна”), частицей *даже*, и в значении „даже”, напр.: „*Всю войну во всей ее огромности нельзя было даже вообразить себе до конца*” // „*Viso karo, viso milžiniško jo didumo, negalėjau kaip reikiant nė įsivaizduoti*”. „*He подходит, товарищ командующий, я этого и отцу не позволял*” // „*Neikite arčiau, darugas armijos vade, aš nė tėviui to neleidavau*”;

2) при переводе отрицательных конструкций с предлогом или приставкой в русском языке, напр.: „*без колебаний*” – „*nesuvyruojanti*”; „*бессонный*” – „*neišsimiega*”;

3) в конструкциях с отрицательными местоимениями в русском языке: „*И „вперед” некому кричать, кроме самого себя*” // „*Ir „pirmyn” nebus kam šaukti, be tavęs paties*”;

4) в конструкциях с отрицательными предикативами: „*Нет, тут уж*”

я грудью стану, будь что будет” // „Ne, aš kiek begalėdamas ginsiu kas bus, kas ne”;

5) в обобщенно-личных и некоторых других типах односоставных предложений, а также в придаточных, вводимых союзом пока и отрицательной частицей при сказуемом: „Долго он лежал тут, пока вы не вошли?” // „Ar ilgai jis gulėjo čia, kol įėjot”; „На войне не бегают с места на место, ища, где пожарче” // „Kare niekas nelaksto iš vienos vietos į kitą ir neiško, kur karščiau”;

6) в переводе устоявшихся словосочетаний: „была не была” — „Tūko plyšo”, „у него не все дома” — „jam galvoje trūksta”, „какое бы то ни было” — „ar turi kokios reikšmės”.

Кроме перечисленных случаев замеченного несоответствия в средствах выражения отрицания имеется и ряд других, обусловленных нормами грамматики, синтаксиса, стилистики анализируемых языков, а также индивидуальными особенностями языка как автора, так и переводчика.

Обобщая вышеизложенное и понимая под термином языковой универсалии закономерности и категории, общие для всех языков или их абсолютного большинства, мы рассматриваем отрицание в языке как языковую универсалию. Основным содержанием данной языковой категории является логическое отрицание, однако оно не заполняет его целиком. Отрицание в языке обладает относительной самостоятельностью и выражается либо имплицитно, либо формальным (эксплицитным) способом. В качестве языковой универсалии отрицание проявляется на разных уровнях языка — фонетическом, грамматическом, лексико-семантическом.

Русский и литовский языки обладают в основном идентичным набором средств выражения отрицания, представляющим систему взаимосвязанных языковых единиц, что позволило нам предложить общую для обоих языков классификацию этих средств. Однако полного соответствия в использовании этих средств не наблюдается. Общность в средствах выражения отрицания находит генетическое объяснение, т. е. является следствием происхождения исследуемых языков от общего праязыка, а в отдельных случаях может быть объяснено и ареальными факторами — тесными контактами русского и литовского языков и возникновением на этой почве активного билингвизма.

NEGATION AS A CATEGORY OF GRAMMAR AND THE WAYS OF ITS EXPRESSION

(On the basis of the Russian and Lithuanian languages)

E. K A Z I M Y A N E T S

Summary

The definition of this linguistic category is given basing on the analysis of the existing viewpoints concerning the nature of negation. The ways and means of expressing negation in the Russian and Lithuanian languages are considered, and their classification is proposed. It is shown that identical linguistic means are used for expressing negation in both languages, a complete correspondence in the usage of these units is not observed.

ЛИТЕРАТУРА

Ахманова, 1966 – А х м а н о в а О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1966.

Бондаренко, 1983 – Б о н д а р е н к о В. Н. Отрицание как логико-грамматическая категория. – М.: Наука, 1983.

Булах, 1957 – Б у л а х Н. А. К вопросу о выражении грамматической категории отрицания в индоевропейских языках. – Уч. зап. Ярославск. пед. ин-та, 1957, вып. 30.

Дондуа, 1948 – Д о н д у а К. Д. Грамматическое отрицание как проблема общего языкознания. – В кн.: Язык и мышление. М.–Л., 1948, т. 11.

Кривонос, 1985 – К р и в о н о с о в А. Т. Языковые средства выражения отрицания. – ФН, 1985, № 1.

Новиков, 1974 – Н о в и к о в Л. А. К проблеме отрицания в современном немецком языке. – В кн.: Вопросы лексики, грамматики и фонетики немецкого языка. – М., 1974.

Озерова, 1978 – О з е р о в а Н. Г. Средства выражения отрицания в русском и украинском языках. – Киев, 1978.

Пешковский, 1956 – П е ш к о в с к и й А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1956.

Рахимов, 1978 – Р а х и м о в С. Вопросы структурно-типологической характеристики предложения. – Ташкент, 1978.

Ginnesen, 1907 – G i n n e s e n J. van. Principes de linguistique psychologique. – Paris, 1907.

Havers, 1931 – H a v e r s W. Handbuch der erklärenden Syntax. Heidelberg, 1931.

Jespersen, 1917 – J e s p e r s e n O. Negation in English and Other Languages. Pt. 1. – Kobenhavn, 1917/1918.

Вильнюсский государственный
педагогический институт
Кафедра русского языка

Февраль, 1986